

Ю. Б. РУМЕР И «ДЕЛО ФИЗИКОВ» (АПРЕЛЬ 1938 – МАЙ 1940 ГОДА) *

На основе материалов архивно-уголовного дела Р-23711 ЦА ФСБ РФ физика-теоретика д-ра физ.-мат. наук Ю. Б. Румера (1901–1985) раскрывается неизвестная страница истории «Большого террора» – периода массовых репрессий в СССР накануне Великой Отечественной войны. Актуальность исследования, выполненного на примере персональной истории ученого, который стал объектом советского репрессивного механизма, определяется незавершенностью самой картины этого механизма. Ограниченность источников по проблеме – дело доступно не полностью – позволяет, тем не менее, выдвинуть историческую гипотезу о планировании в недрах НКВД громкого судебного процесса над советскими и зарубежными физиками – так называемого «дела физиков», обвиняемых в шпионаже в пользу фашистской Германии, в подготовке международного заговора, направленного на подрыв и уничтожение советской физики. Хронологические рамки «дела физиков» (апрель 1938 – май 1940 г.) обусловлены наличием документальных свидетельств. Доступные нам материалы позволяют дополнить представления не только о репрессивной практике Советского государства в целом, но также расширить знания о преследовании ученых. На персональном уровне исследования удалось выявить и объяснить феномен мифологизации персональной истории, который проявился в условиях обвинения уголовного характера, сфабрикованного органами НКВД. Хронологические рамки статьи – начало 1930-х гг. – май 1940 г.

Ключевые слова: «Большой террор», Ю. Б. Румер, следственное дело, физическая наука, мифологизация персональной истории, 1930-е гг.

Юрий Борисович Румер (1901–1985) – физик-теоретик, доктор физико-математических наук, родился в Москве в состоятельной еврейской семье. В 1924 г. окончил математическое отделение Московского университета. По призыву Всевобуча в 1920–1921 гг. служил в Красной Армии. Для продолжения образования в 1927 г. выехал в Германию, учился в Политехническом институте в Ольденбурге, где и написал свою первую работу по теории относительности. С 1929 по 1932 г. – ассистент Макса Борна в Институте теоретической физики в Геттингене. По возвращении в Москву стал профессором МГУ, работал научным сотрудником Физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР. В 1938 г. арестован вместе с

Л. Д. Ландау и М. А. Корцом, осужден на 10 лет по «шпионским» статьям УК РСФСР (58-6, 58-11). Работал в «шарагах» с известными самолетостроителями А. Н. Туполевым, Б. С. Стечкиным, А. И. Некрасовым. После освобождения находился в ссылке в Енисейске Красноярского края, преподавал физику в Енисейском учительском институте. В 1950–1953 гг. – безработный. С 1953 по 1957 г. – заведующий отделом технической физики Западно-Сибирского филиала АН СССР. В 1957–1964 гг. – директор Института радиопизики и электроники Сибирского отделения АН СССР. С 1965 г. – заведующий лабораторией Института математики СО, а затем – заведующий сектором в Институте ядерной физики СО АН

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Президиума СО РАН в рамках интеграционного проекта фундаментальных исследований СО РАН 2012–2014 гг. М-48 «Открытый архив СО РАН как электронная система накопления, представления и хранения научного наследия».

СССР. Профессор Новосибирского университета. Автор статей и монографий, сыгравших важную роль в развитии современной физики и посвященных вопросам квантовой механики, квантовой химии, статистической физики, общей теории относительности, теории элементарных частиц, прикладной механики, гидродинамики и молекулярной биологии. Его соавторами были М. Борн, В. Гайтлер, Э. Теллер, М. А. Марков, Л. Д. Ландау, А. И. Фет, М. С. Рывкин [Крайнева, 2013].

В период «Большого террора», когда был арестован и Ю. Б. Румер, подверглись преследованию и были уничтожены многие советские ученые. В 1930-е гг. было также проведено несколько специально направленных против ученых кампаний, таких как «Академическое дело» начала 1930-х гг., «дело Лузина» 1936 г., «дело Украинского физико-технического университета (УФТИ)» 1937 г. против физиков-теоретиков или «Пулковское дело» 1936–1937 гг., которое захватило ученых различных специальностей в нескольких научных центрах¹. Актуальность данной статьи заключается в том, что появилась возможность получить и осмыслить новые сведения о репрессиях против ученых на примере «Дела физиков», которое, как мы попытаемся показать, планировалось в недрах НКВД накануне Великой Отечественной войны. Фигурантами процесса на основе данного «дела» могли стать Ю. Б. Румер и многие физики СССР и других стран. Хронологические рамки «Дела физиков» мы ограничиваем апрелем 1938 – маем 1940 г., поскольку именно в этот период укладываются документы из архивно-следственного дела Ю. Б. Румера, на которые опирается наша статья.

Репрессивная политика Советского государства предвоенного периода и ее влияние на положение ученых получила освещение в научной литературе. Известны как работы общего характера [Колчинский, 2003; Огурцов, 1990]², так и исследования, посвященные отдельным научным направлениям и

персоналиям [Александров, 1996; Горелик, 2008; Курилов, Михайлов, 1992]³. Биография Ю. Б. Румера представлена в нескольких работах [Горелик 1995; 2008; Кемоклидзе, 1989], но в них события, последовавшие за арестом, не рассмотрены в контексте попыток подготовки процесса против целого слоя представителей физической науки, хотя Г. Е. Горелику были известны документы архивно-уголовного дела Ю. Б. Румера.

Эти же документы из Центрального архива ФСБ РФ, архивно-уголовного дела Р-23711 Ю. Б. Румера, предоставлены нам его сыном, Михаилом Юрьевичем Михайловым (носит фамилию матери). Они включают ордер, протокол обыска, справку на арест. О ходе следствия свидетельствуют анкета арестованного, квитанции об изъятии вещей, согласие сотрудничать со следствием (автограф), протокол допроса. Итоговые документы следствия включают обвинительное заключение, приговор и расписку в объявлении приговора. Сопутствующие материалы дела: заявление об отказе от признательных показаний без архивного номера и фотография анфас и в профиль – переданы архивистами на хранение М. Ю. Михайлову. В деле Р-23711 более 50 листов засекречено. Поэтому полной картины следствия представить на данный момент невозможно. Доступные нам материалы отражают события в жизни Ю. Б. Румера от ареста в апреле 1938 г. до завершения следствия приговором в мае 1940 г. Ставится исследовательская задача выявить, какое представление о коллизиях 30-х гг. позволяют получить документы из следственного дела, проследить их влияние на судьбу ученого и его окружения. При изучении персональной истории важно соотнести имеющийся материал с историческими реалиями 1930-х гг.: идеологическими кампаниями в СССР, сменой внутриполитического и международного курса, реорганизацией науки и других институтов, в сфере воздействия которых оказалась данная

¹ Жуков В. Ю. «Пулковское дело». URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/material/dela/pulkovo.htm> (дата обращения 07.10.2013).

² См. также: Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. URL: http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/hronika.html (дата обращения 04.06.2013).

³ См. также: Визгин В. П. «Явные и скрытые измерения пространства» советской физики 1930-х гг. (по материалам мартовской сессии АН СССР 1936 г.). URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/viz2001.htm> (дата обращения 04.06.2013); Горобец Б. С. Неизвестное о подвиге академика П. Л. Капицы, спасшего Л. Д. Ландау из тюрьмы НКВД (новая версия). URL: <http://www.7iskusstv.com/2012/Nomer2/Gorobec1.php> (дата обращения 24.06.2013).

персональная история. Выбран метод многоуровневого анализа исторического контекста, который включает внутреннюю политику правительства СССР в области науки, международные отношения, развитие физической науки, персональные истории.

Общеизвестно, что международное положение СССР в конце 1930-х гг. было достаточно сложным. Перед лицом угрозы войны и краха системы коллективной безопасности правительство СССР, в надежде избежать военного столкновения с Германией, приступило к секретным переговорам, которые начались с весны 1939 г. и привели к августовскому пакту Молотова – Риббентропа.

Внутренняя политика правительства СССР в 1930-е гг. характеризуется установкой на унификацию общества и подчинение всех групповых и личностных устремлений общественным интересам [Колчинский, 2003. С. 728]. В отношении науки эта политика получила определение сциентистского тоталитаризма [Огурцов, 1990]. Но взаимодействие «власть – наука» не определялось только отношениями подчинения. Наука во второй трети XX в. стала одним из факторов социалистического строительства в СССР. В 1930-е гг. советские ученые играли заметную роль в создании положительного имиджа страны посредством научных коммуникаций, что также отразилось на отношении власти к этой социальной страте. Ярким выражением проявления новой научной политики в физике стала мартовская сессия АН СССР 1936 г., на которой прошло обсуждение состояния теоретических и прикладных разработок, и с особой силой прозвучала формула акад. А. Ф. Иоффе о физике, как научной базе социалистической техники⁴.

Само состояние советской науки, в частности физики, в заявленный период свидетельствует о том, что она формировалась и институализировалась как самостоятельная и успешная. Физика в СССР получила признание коллег из европейских стран, где существовало несколько сильных физических школ, группировавшихся вокруг таких лидеров, как Н. Бор, М. Борн, Э. Резерфорд. Многие советские физики получили образование или стажировались за

рубежом: Д. С. Рождественский, Н. Д. Папалекси, А. Ф. Иоффе, И. В. Обреимов, П. Л. Капица, И. Е. Тамм, Б. М. Гессен, Л. В. Шубников, А. И. Лейпунский, Г. А. Гамов и др. Признание важности физических исследований выразилось в материальном подкреплении этой отрасли науки: во второй половине 1930-х гг. создается Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР (ФИАН) под руководством С. И. Вавилова; в мае 1935 г. началось строительство лабораторного корпуса для Института физических проблем, директором которого стал П. Л. Капица; происходит укрупнение физических институтов в Ленинграде. Физико-технический институт А. Ф. Иоффе стал прародителем физико-технических институтов в Томске, Свердловске и Харькове. Харьковский физико-технический институт становится одним из центров теоретической физики мирового уровня благодаря работам Л. В. Шубникова и Л. Д. Ландау. Здесь в мае 1934 г. состоялась Всесоюзная конференция по теоретической физике, в которой принимал участие Н. Бор [Капица, 1981. С. 383].

Л. Ландау и Ю. Румер, как и некоторые другие молодые ученые, стажировались и работали в Европе и вернулись в СССР в начале 1930-х гг. Ю. Б. Румер провел в Геттингене три года: с 1929 по 1932 гг. он состоял ассистентом М. Борна в Физическом институте Геттингенского университета. Полтора десятка работ опубликовано им в немецких физических журналах, что позднее позволило ему стать действительным членом Научно-исследовательского института физики Московского университета (НИИФ МГУ) и получить в 1934 г. докторскую степень и профессорское звание. Румеру пришлось уехать из Германии, когда фашизм в Европе стал реальностью. Ксенофобия новых властей по отношению к евреям положила конец академической идиллии Геттингена. Рассказывая друзьям об этом времени, Юрий Борисович не раз подчеркивал, что «развитие Геттингена в мировой центр науки шло медленно и нуждалось в открытии квантовой механики. Гибель же его произошла после того, как гитлеровский министр просвещения Руст – четыре буквы – подписал приказ о том, чтобы все профессора еврейской национальности были освобождены от работы в университетах Германии. Тогда в университете появилась

⁴ Визгин В. П. «Явные и скрытые измерения пространства»...

поговорка: для того, чтобы Геттинген стал Геттингеном, понадобилось четыре столетия, а чтобы его уничтожить – четыре буквы»⁵.

По возвращении в Москву Ю. Б. Румер включился в научную и преподавательскую деятельность, читал лекции на физическом факультете МГУ, в 1934 г. выступал с докладом на юбилейном Менделеевском съезде, вскоре опубликовал получившие известность книги «Введение в волновую механику» (1935) и «Спинорный анализ» (1936). Он стал последовательным пропагандистом теории относительности – им написана статья для «Известий ЦИК» к тридцатилетнему юбилею теории [Румер, 1935. С. 2]. Можно предположить, что идея научно-популярной книги «Что такое теория относительности?», написанной совместно с Л. Д. Ландау в 1935 г., принадлежала именно Ю. Б. Румеру. Теория относительности не получила поддержки у ряда маститых ученых, которые предприняли попытку развернуть философскую дискуссию на мартовской сессии Академии наук. В этом случае физики – последователи А. Эйнштейна – выступили сплоченно против такой дискуссии, она была отложена. Ю. Б. Румер был в числе нескольких авторов, которые по поручению Ученого совета Физического института АН СССР проанализировали работу Н. П. Кастерина «Обобщение основных уравнений аэродинамики и электродинамики» и доказали несостоятельность ее положений [Блохинцев и др., 1937]. В работе о развитии физики в России, подготовленной к 20-летию Октябрьской революции, главный редактор журнала «Успехи физических наук» назвал Ю. Б. Румера одним из пионеров квантовой химии [Шпольский, 1937. С. 301].

Как уже было замечено, возвращение молодых ученых в СССР совпало с очередным поворотом в научной политике Советского государства от пролетарской и леворадикальной к консервативной и национально-государственной, культурная революция завершилась. Сталинское руководство, ранее делавшее ставку на так называемую «красную интеллигенцию», было вынуждено принять во внимание незаменимость специали-

стов, получивших образование в других социальных условиях. Наряду с положительными сдвигами в создании национальной науки происходили характерные для того периода события, свидетельствовавшие об усилении тотального контроля за умонастроениями, передвижением и общением ученых. Репрессивные механизмы, выполнявшие устрашающую функцию, работали с новой силой. Они принимали разные формы: громких разоблачительных кампаний, арестов, ссылок, тюремного заключения, расстрела.

Научных кругов коснулись многие репрессивные кампании 1930-х гг. Что касается физической науки, то для нашего исследования важно напомнить, что в Харькове в 1935–1937 гг. прошли репрессивные акции против сотрудников Украинского физико-технического института (УФТИ): пятеро расстреляны, двое немецких специалистов выданы Германии в 1940 г. (Ф. Хоутерманс и А. Вайсберг). Одним из поводов к возникновению конфликта в УФТИ, повлекшего за собой репрессии, стал спор о соотношении теоретических и практических (оборонных) разработок, выразившийся в противостоянии теоретиков, руководимых Л. Д. Ландау, и дирекции Института. В результате Л. Ландау уволили из Харьковского университета, а в начале 1937 г. он бежал в Москву и поселился у Румера. На работу в Институт физических проблем его принял П. Л. Капица. Следом перебираются М. А. Корец (в Педагогический институт), И. Я. Померанчук, Е. М. Лифшиц (в Кожевенный институт).

В 1935 г., помимо профессорства в МГУ, Ю. Б. Румер стал научным сотрудником Физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР, который возглавлял акад. С. И. Вавилов. Румер оказался причастным к тому дисциплиностроительству физики [Александров, 1996. С. 13], которое осуществлялось в ФИАНе под руководством С. И. Вавилова. С. И. Вавилов осознавал важность развивающейся в то время физики атомного ядра и необходимость поддержки «новой физики» – теории относительности и квантовой механики. Для него также была очевидна связь теории и эксперимента. В ФИАНе работали лучшие специалисты страны: Д. В. Скобельцын (лаборатория физики атомного ядра), Н. Д. Папалекси (физи-

⁵ Запись воспоминаний Ю. Б. Румера разных лет («Пластинки»). Машинопись. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

ка колебаний), Г. С. Ландсберг (физическая оптика), С. Л. Манделъштам (спектральный анализ) и др. Лабораторию теоретической физики возглавлял И. Е. Тамм, у которого стал работать Ю. Б. Румер. Из Ленинграда переехали также Б. М. Вул, И. М. Франк, П. А. Черенков и др. Из Московского университета Вавилов привлек для работы в ФИАНе Л. И. Манделъштама, П. А. Ребиндера, М. А. Дивильковского, Д. И. Блохинцева и др. [Месяц, 2009. С. 1149].

Румер, чья научная карьера поначалу складывалась успешно, вскоре почувствовал, что жизнь на родине становится для него, его семьи и друзей тяжким испытанием. В 1935 г. был подвергнут административной ссылке, а затем арестован его брат Исидор⁶. В августе 1936 г. по обвинению в террористической деятельности арестовали директора НИИФ МГУ и заместителя директора ФИАНа чл.-корр. АН СССР Б. М. Гессена. За ним последовало (в апреле 1937 г.) заседание актива Физического института АН СССР, на котором многим сотрудникам пришлось доказывать свою политическую благонадежность⁷.

На заседании актива выступал и Ю. Б. Румер. Он говорил: «В январе месяце я был командирован в город Харьков, где работал Ландау. Товарищ Дивильковский⁸ тоже был там. Он знает, какое там было острое положение. Ландау взяли тогда в подозрение, и я считал своим долгом открыто выступить в защиту своего друга Ландау. И сейчас заявляю: “Если Ландау окажется вредителем – я, несомненно, буду привлечен к ответственности; но и теперь, когда это мое заявление запротоколировано, я все же ручаюсь за него, как за своего лучшего друга. Больше ни за кого я не поручусь – ни за Гессена, ни за Г. С. Ландсберга, ни за И. Е. Там-

ма, потому что я с ними мало знаком, но за Ландау я готов всегда поручиться”» [Горелик, 1995. С. 58]. Поскольку на заседании говорилось и об арестованном брате Румера, Юрий Борисович парировал претензии тем, что может выбирать друзей, но не братьев. Тем не менее рассказал, как ему предложили уволиться из НИИФ МГУ, что в итоге и пришлось сделать осенью 1937 г. Он перешел в Институт кожевенной промышленности им. Л. М. Кагановича заведующим кафедрой теоретической физики.

Документы и исследования говорят о сгущении атмосферы страха, фотодокументы – о перемене настроения Ю. Б. Румера: на московских фотографиях уже не тот беспечный, улыбающийся, отчасти самодовольный молодой человек геттингенского периода. Он мрачен и задумчив, тяжело глядит исподлобья. Его выступление на активе ФИАНа отмечено характерной риторикой: «сигнализировал», «некоторые советские физики продолжают публиковать свои работы в фашистской печати», «принял все меры, как гражданин Советского Союза». Румер чувствовал себя «политически чистым», но установленное за ним негласное наблюдение и доносы зафиксировали его критические высказывания в адрес советской действительности. Затем последовал арест.

Л. Д. Ландау, М. А. Корец и Ю. Б. Румер были арестованы в конце апреля 1938 г. Все без исключения биографы Ю. Б. Румера вслед за ним самим утверждают, что арестован он был в день своего рождения, 28 апреля. Мы полагаем, что это произошло раньше, и задержан он был 27-го. Справка на арест составлена 26 апреля. Квитанции об изъятии документов и ценностей (часы, коронка желтого металла) датированы 27 апреля. Задержание Л. Д. Ландау было произведено 27-го, а ордер выписан 28 апреля. Обыск у Румера дома производился также 28 апреля в его отсутствие. Ниже приведена справка, предшествовавшая аресту. В справке процитированы выдержки из нескольких агентурных донесений, которые послужили обоснованием обвинений, сформулированных в преамбуле документа (правописание соответствует подлиннику).

⁶ К сожалению, на данный момент документальные свидетельства о судьбе И. Б. Румера не найдены. Поскольку эти документы доступны только прямым родственникам, то поиск возможен по инициативе внуков Осипа Румера (старшего брата Ю. Б. Румера).

⁷ Г. Е. Горелик пишет: «Источником волны активов, прокатившейся по стране и достигшей института, стал мартовский пленум ЦК ВКП(б), на котором Бухарин и Рыков были исключены из партии и в качестве японо-немецких агентов переданы органам НКВД» [Горелик, 1995. С. 54].

⁸ Дивильковский М. А. – в 1936–1938 гг. ученый секретарь Физической группы Академии наук СССР.

СПРАВКА⁹

РУМЕР Юрий Борисович, 1901 года рождения, уроженец гор. Москвы, еврей, беспартийный, профессор Института Физических Проблем Академии Наук СССР¹⁰.

В 1934–35 г.г. был в Германии¹¹.

Проживает: ул. Горького д. 86 кв. 40.

Является активным участником законспирированной антисоветской группы, состоящей, главным образом, из научных работников-физиков, именующей себя «Антифашистская рабочая партия».

Организационно связан с ее руководителями – ЛАНДАУ и КОРЕЦОМ и вместе с ними подготавливает выпуск антисоветской листовки к Первомайским дням.

Высказывает крайне резкие антисоветские взгляды. Подозревается в шпионаже.

«Профессор РУМЕР, 5/III-38 г. На вечере в Доме Ученых со своим приятелем профессором ЛАНДАУ заявил мне: «Читали, что делается в правящих кругах¹², сплошь изменник на изменнике сидит, а ведь почти все были руководителями страны. Ничего себе, хорошенькое правительство, состоящее из агентов охраны, предателей, убийц. И сидящие на скамье подсудимых, и оставшиеся один другого стоят».

Присутствующий при этом ЛАНДАУ добавил: «Моральные качества людей низкого развития и неполноценных по своей расовости характерны для наших большевиков, чего же вы хотите еще». (Аг[ентурное] донесение от 7/III-38 г.)

«18/IV КОРЕЦ у себя на квартире представил источника двум лицам, называвшим себя ЛАНДАУ и РУМЕР. Источник был представлен как вновь привлеченный КОРЕЦОМ участник организации. Из бесед КОРЕЦА с источником ясно, что ЛАНДАУ и РУМЕР полностью посвящены в проводимую подготовку к выпуску антисоветских листовок». (Аг[ентурное] донесение от 19/IV-38 г.)

«Брат гр. МАЗО¹³ (дочь известного раввина, эксперта по делу БЕЙЛИСА) был в свое время выслан органами ГПУ за границу, в настоящее время живет в Берлине.

По словам РУМЕР, он, будучи в Берлине, видел брата МАЗО, тот стал ярым гитлеровцем и работает в охранке». (Аг[ентурное] донесение)

Арест, обыск. ВРИО. НАЧ. 3 ОТД[ЕЛЕНИЯ]. 4 ОТДЕЛА ГУГБ (Вальберг). «26» апреля 1938 г.

Из документа следуют три повода для ареста Ю. Б. Румера: подготовка выпуска антисоветской листовки, антисоветские высказывания и знакомство с «гитлеровцем» Мазе (еврей – в охранке! – *И. К.*). Арест, следствие по делу Ландау достаточно подробно рассмотрены в исследовательской литературе [Горелик, 2008]. М. А. Корецу посвящен web-site, где опубликованы документы следствия 1938 г.¹⁴ Из этих источни-

ков и исследований известно, что Ландау обвинялся в антисоветской деятельности, а Корец – и в антисоветской деятельности, и в шпионаже в пользу германской разведки. Корец и Ландау были уличены в причастности к написанию и попытке распространения антисоветской листовки, которая призывала к борьбе против «сталинского фашизма» [Там же. С. 187]. Из справки на арест Румера также следует, что ему было известно о листовке. Одного этого было вполне достаточно для ареста и сурового приговора всем троим физикам, но, види-

⁹ ЦА ФСБ РФ. Арх.-уголовн. дело Р-23711. Л. 1, 2.

¹⁰ Неточность: сотрудник Физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР.

¹¹ Неточность: Ю. Б. Румер находился в Германии в 1929–1932 гг.

¹² Имеется в виду прошедший 2–13 марта 1938 г. открытый политический процесс по делу об «Антисоветском право-троцкистском блоке». В числе обвиняемых, приговоренных к расстрелу, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Г. Ягода. См. об этом: *Охотин Н. Г., Рогинский А. Б.* «Большой террор»...

¹³ Верно: Мазе (Яков Исаевич), в 1893–1924 гг. – главный раввин Москвы. В 1913 г. в качестве эксперта по иудаизму участвовал со стороны защиты в черносотенном процессе по обвинению Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве подростка Андрея Ушинского. Его дочь – Аля Яковлевна Мазе-Савич. О сыне информации нет.

¹⁴ URL: <https://sites.google.com/site/michaelkjerusalem/> (дата обращения 04.06.2013).

мо, не листовка являлась центральным звеном всей репрессивной акции. К этой мысли приводят документы из дела Ю. Б. Румера.

Через два с половиной месяца после ареста, 16 июля 1938 г., Юрий Борисович написал заявление, в котором признал себя виновным в том, что «был в 1929 г. завербован в Берлине проф. П. Эренфестом для целей научного шпионажа в пользу немецкой разведки»¹⁵. Именно через Эренфеста и «связанных с ним акад. Л. Мандельштама и проф. И. Тамма» Румер получил место в МГУ и приехал в СССР «для целей научного шпионажа». Далее следует, что после кончины П. Эренфеста связь с немецкой разведкой с 1933 по осень 1936 г. поддерживалась через Вайскопфа, Плачека и Пайерлса. Румер сообщал следствию: «В разное время я передал им следующие научные идеи и темы, разрабатываемые советскими физиками. В 1933 г. на ядерной конференции в Ленинграде я передал Вайскопфу сведения о начальной стадии работ Тамма и Иваненко о природе ядерных сил, которые Вайскопфом были переданы Гейзенбергу (Лейпциг), что позволило последнему опубликовать свою работу раньше советских физиков»¹⁶.

В 1934 году на Менделеевском конгрессе в Ленинграде я передал Пайерлсу сведения об идее проф. Никольского о рассеянии света на свете, одной из плодотворнейшей проблем современной оптики, которые Пайерлсом были переданы Дебайю (Лейпциг), опубликовавшем об этом работу. В сентябре 1936 года я сообщил Вайскопфу у себя на квартире основные мысли Ландау о статистической теории ядер. Эти сведения Вайскопф использовал для собственной публикации, и его работа появилась раньше работы Ландау.

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Арх.-уголовн. дело Р-23711. Л. 13.

¹⁶ Попытки проверить некоторые утверждения из показаний Ю. Б. Румера дали следующие результаты. Г. А. Сарданашвили выяснил, что с апреля по август 1932 г. Д. Д. Иваненко написал четыре статьи по ядру, две из них предшествовали работе Гейзенберга. См.: Сарданашвили Г. А. История советской физики: Модель ядра Д. Д. Иваненко. URL: http://sardanashvily.blogspot.ru/2011/06/blog-post_18.html (дата обращения 24.06.2013). Передача сведений В. Вайскопфу на квартире Ю. Б. Румера в Москве не могла состояться, поскольку в это время В. Вайскопф работал в Швейцарии и Дании.

В 1937 г. в Харькове оформилась антисоветская группа в составе Ландау, Кореца, Шубникова, Горского, Розенкевича, Бриллиантова, Лифшица, Померанчука, Ахиезера, Гаутерманса¹⁷, Вейсберга. Я вступил в нее и принял активное участие в ее организации. Основной задачей этой группы было насаждение в Союзе взглядов и идей идеалистической школы, борьба с теми советскими физиками, которые стояли на материалистической позиции, путем их научной дискредитации, привлечение молодежи и обработка ее в духе нашей школы.

Поскольку наши взгляды полностью совпадали со взглядами группы Мандельштама в составе: Тамма, Ландсберга, Хайкина, Леонтовича и Блохинцева – я принял все меры к тому, чтобы создать контакт и полную договоренность между обеими группами для совместной антисоветской деятельности в области физики.

О всех своих преступлениях обязуюсь дать следствию подробные показания»¹⁸.

Еще через полмесяца, 4 августа 1938 г., был составлен протокол допроса, в котором на вопросы следователя в шпионском ключе Ю. Б. Румер дает показания о международном заговоре физиков, направленном на подрыв и уничтожение советской физики. Знакомство с протоколом позволяет видеть, как Румер раскрывает налаженную «шпионскую сеть» с участием советских, немецких, австрийских и чешских физиков. В Москве это сотрудники ФИАНа и МГУ (Мандельштам и его «группа» – Тамм, Блохинцев, Леонтович, Ландсберг и Хайкин), бывшие сотрудники УФТИ (Корец, Лифшиц, Померанчук, Шубников, Обреимов и др.), в Ленинграде – сотрудники Государственного оптического института, Ленинградского физико-технического института (Фок, Френкель), иностранные специалисты – участники шпионской сети Негебауэр, Франк, Бор, Гайтлер, Пайерлс, Хоутерманс (немцы), Вайскопф (австриец), Плачек (чех) – все, разумеется, агенты «Объединения», Гейзенберг (немец) – связной. Кроме того, Румер показывал, что в Институте физических проблем его «сообщник Ландау близко сошелся с академиками П. Л. Капицей и

¹⁷ Хоутерманс Ф.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Арх.-уголовн. дело Р-23711. Л. 14–15.

Н. Н. Семеновым, которые критически были настроены к советской системе»¹⁹.

Очевидно, аргументы следствия были достаточно убедительными для подобного самоговора. По позднему утверждению Румера, в период всего предварительного следствия мер физического воздействия к нему не применяли. Возможно, это так. Хотя М. А. Корец в документах 1956 г. писал, что он оговорил себя и других физиков «под принуждением»²⁰. Сын Румера М. Ю. Михайлов рассказал: «Воспоминания о пережитом унижении очень крепко въелось в отцовское сознание. Много позже в семейной обстановке иногда случалось, что наша собака начинала скулить возле входной двери. Если я и сестра не проявляли при этом должной поспешности, из кабинета появлялся разгневанный отец и, я подозреваю, не без театральности объявлял: “Каждое живое существо имеет неотъемлемое право п...ть, когда ему хочется, и я, старый арестант, не позволю, чтоб в моем доме так издевались над животным. Я требую, чтобы собака на оправку выводилась регулярно!” Наши вялые возражения во внимание уже не принимались: “Я не могу слышать, как мучается животное”. Впечатление осталось сильное»²¹.

Изучение протокола допроса Л. Д. Ландау от 3 августа 1938 г. выявляет некоторое отличие в списке привлеченных лиц и в составе инкриминируемого преступления. Ландау обвиняли в антисоветской деятельности, ему был предъявлен рукописный экземпляр листовки. Он назвал людей, с которыми «сошелся на почве антимарксистских взглядов» – Г. А. Гамов, Д. Д. Иваненко, М. П. Бронштейн, Я. И. Френкель – и с которыми вел «подрывную» деятельность в УФТИ: Л. В. Розенкевич, М. А. Корец, А. С. Вайсберг, Л. В. Шубников, И. В. Обреимов [Курилов, Михайлов, 1992. С. 127–140]. В заключение допроса следователь потребовал назвать людей, по поручению которых Корец предложил выпустить листовку. Ландау отвечал, что таких людей он не знал. Следователь пояснил: «Установлено,

что поручение выпустить листовку <...> было дано Корецу представителем немецкой разведки, агентом которой был Корец» [Там же. С. 140].

Сын Ю. Б. Румера М. Ю. Михайлов прокомментировал протокол допроса отца следующим образом: «По бытующему в нашей семье преданию, в тюрьме отец встретил арестанта, товарища Исидора – брата отца. И тот популярно объяснил, что если Юра хочет как-то облегчить свою участь (то есть избежать расстрельного приговора), то свое дело он должен придумать сам. И он придумал и, по возможности, тщательно продумал свои будущие показания. <...> В полной мере проявилась склонность отца к безудержным фантазиям и мистификациям. Уж что-что, а мистифицировать на грани фолы отец умел и любил, можно сказать, с детства. Здесь <...> необходимо было приготовить точно дозированную смесь “чистой лжи и оголтелой правды”, сдобрив ее порцией мелких подробностей и деталей. И все это было виртуозно выполнено отцом в “шпионской” части своих показаний»²². Но какова причина, по которой Ю. Б. Румер меняет одно «расстрельное» дело на другое?

Представляется, что позднейшие утверждения бывших арестованных в годы сталинизма о сотрудничестве со следствием методом «придумай себе дело» с целью сохранить жизнь (или избавить себя от издевательств) являлись включением компенсаторного механизма, направленного на оправдание морального падения под действием обстоятельств практически безальтернативного выбора. На данном уровне исследования нет возможности основательно подкрепить это утверждение, поскольку нам не известно, проводилось ли изучение морально-психологического состояния людей, прошедших ГУЛАГ. Мифологизация событий в этой ситуации заслуживает отдельного внимания. Любопытно еще одно высказывание Ю. Б. Румера. На вопрос сына о том, что он чувствовал в момент ареста, тот ответил: «Облегчение», – поскольку таким образом разрешалась коллизия его запутанных отношений с двумя женщинами²³.

Еще один пример мифологизации, касающейся сути обвинения Л. Д. Ландау, выявил Б. С. Горобец, изучая ситуацию вокруг

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Арх.-уголовн. дело Р-23711. Л. 73–95.

²⁰ URL: <https://sites.google.com/site/michaellkjerusalem/0140.jpg> (дата обращения 04.06.2013).

²¹ Михайлов М. Ю. Дело Ю. Б. Румера в архиве ФСБ РФ (воспоминания и исследования 2013 г.). Архив автора.

²² Там же.

²³ Там же.

освобождения известного физика из заключения. По воспоминаниям людей, близких Ландау (Е. Л. Фейнберга, С. П. Капицы и др.), П. Л. Капица рассказывал друзьям, что, встречаясь с руководством НКВД, убеждал их в том, что Ландау мог быть немецким шпионом, и преуспел в этом. Но известно, что Ландау не обвинялся в шпионской деятельности, хотя был «замечен» в дружеских отношениях с репрессированными физиками УФТИ. Легенда о шпионской подоплеке ареста Ландау была вымышленной, поскольку подлинная причина ареста Ландау – антисталинская листовка – в данной ситуации была гораздо опаснее как для самого Ландау, так и для его защитника: «...такие сведения неминуемо принесли бы огромный вред как Ландау, так и самому Капице, а тем самым и всему институту»²⁴. Поэтому П. Л. Капица поддерживал менее опасную версию ареста Ландау.

Но вернемся к протоколу допроса Румера. На наш взгляд, прослеживается принуждение к признанию факта существования разветвленной шпионской сети, связанной с германской разведкой, которая вела подрывную работу в области советской физики с помощью как немецких, так и советских специалистов, включая самых маститых. В обмен Румеру была «прощена» листовка, т. е. недонесение о том, что он был информирован о ее подготовке. На заключительный вопрос следователя: «Вы были в курсе подготовки к выпуску этого контрреволюционного документа?», – последовал ответ: «Нет, об антисоветской листовке, подготовленной Корецом и Ландау, я ничего не знал»²⁵. Надо ли говорить, что протокол допроса являет собой законченное произведение, если можно так выразиться, со своим сюжетом, плавными переходами и внутренним единством? Следующий доступный нам документ датирован также 4 августа 1938 г. – это протокол об окончании следствия²⁶.

Материалы следствия М. А. Кореца свидетельствуют, что за ним, так же как и за Л. Д. Ландау, тянется «харьковский след»: в деле присутствуют выписки из протоколов допросов Л. В. Шубникова, Л. В. Розенкевича и В. П. Фомина, которые подтверждали

его участие в «контрреволюционной троцкистской организации» вместе с Л. Д. Ландау. В. П. Фомин, научный сотрудник УФТИ, признал, что вел «подрывную работу в пользу германской разведки». На одном из допросов 1938 г. М. А. Корец назвал его, как человека, принудившего его «работать по заданиям немецкой разведки»²⁷. Следствие по делу М. А. Кореца завершилось 22 декабря 1938 г. В обвинительном заключении фигурировала, в том числе, шпионская деятельность, но по решению суда от 25 ноября 1939 г. это обвинение было снято. М. А. Кореца осудили по ст. 58 п. 10 (Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти.) и п. 11 УК РСФСР (Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений). Ю. Б. Румер приговором от 27 мая 1940 г. был осужден по ст. 58 п. 6 (шпионаж) и 58 п. 11 УК РСФСР.

Как известно, Л. Д. Ландау через год заключения был освобожден. О нем ходатайствовали директор его института акад. П. Л. Капица и профессор Н. Бор. М. А. Корец отбывал наказание на Севере. Ю. Б. Румер, видимо, осенью 1938 г. был направлен в подмосковное Тушино на моторостроительный завод НКВД № 82. Его тюремно-лагерная документация пока не найдена. Эту задачу взял на себя сын Юрия Борисовича.

Итак, объединения всех трех дел в единое производство о «международном заговоре физиков» не произошло. Красноречивая формулировка содержится в Заключении Главного военного прокурора на приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 мая 1954 г. по делу о реабилитации Ю. Б. Румера: «Проведенной в связи с жалобами Румера дополнительной проверкой установлено, что дело в отношении организатора антисоветской группы Ландау органами НКВД СССР производством прекращено за нецелесообразностью»²⁸. Использование внеюридического термина в юридической практике говорит о том, что существовала внеюридическая, вызванная иными причинами цель ареста трех физи-

²⁴ Горобец Б. С. Неизвестное о подвиге академика П. Л. Капицы...

²⁵ ЦА ФСБ РФ. Арх.-уголовн. дело Р-23711. Л. 94–95.

²⁶ Там же. Л. 96.

²⁷ URL: <https://sites.google.com/site/michaelkjerusalem/0011.jpg> (дата обращения 04.06.2013).

²⁸ ЦА ФСБ РФ. Арх.-уголовн. дело Р-23711. Л. 146–147.

ков. Здесь мы выдвигаем историческую гипотезу: это была попытка сфабриковать дело о международном заговоре физиков и организовать громкий процесс. Целесообразность была, но к моменту судебного процесса она перестала существовать. Что же произошло?

В конце 1938 г. намечаются изменения во внутренней политике сталинского режима: «Большой террор» был свернут, его исполнители репрессированы. Все внесудебные органы, кроме Особого совещания, были ликвидированы, массовые аресты прекращены. Началось освобождение некоторых арестованных «контрреволюционеров». Но наши физики оставались под стражей. Тот факт, что приговор Ю. Б. Румеру вынесли только 4 мая 1940 г., наводит на предположение, что его дело было отложено до поры до времени. Возможно, в судьбу физиков вмешался еще один немаловажный фактор. Дело в том, что с весны 1939 г. меняется направление вектора международной политики СССР, когда «международный заговор» физиков стал нецелесообразен в ситуации заключения советско-германского пакта. Второе письмо П. Л. Капицы по поводу Ландау председателю Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотову было написано 6 апреля 1939 г. Л. Д. Ландау был освобожден после XVIII съезда ВКП(б) в конце апреля. Как известно, 10 марта 1939 г. в своем выступлении на съезде Сталин говорил о политике мира в отношении своих соседей. Пакт Молотова – Риббентропа был заключен 23 августа 1939 г.

По имеющимся свидетельствам, в 1939 г. Ю. Б. Румер находился в Тушино, на моторостроительном заводе НКВД № 82 [Кемоклидзе, 1989. С. 199]. Если там работали и вольнонаемные, то через них Юрий Борисович мог узнать об освобождении Л. Д. Ландау. Двадцать пятого мая 1939 г. он написал заявление на имя Народного комиссара внутренних дел СССР, в котором, в частности, говорил: «Под влиянием тяжелого морального состояния я подписал предъявленный мне протокол, в котором признавал мою научно-общественную деятельность преступной. Я заявляю, что ни в какой антисоветской группировке физиков, пропагандирующих идеалистическую физику, не участвовал. Являясь специалистом в области атомной физики, я, естественно, примыкал к наиболее передовой, руководимой

Нильсом Бором “копенгагенской школе” и солидаризировался с взглядами, наиболее полно выраженными в нашей печати академиком В. А. Фоком, отнюдь не являющимися антимарксистскими. Я никогда не вербовался и не мог быть завербован в агенты вымышленного “общества немецкой науки”, руководимого мировыми физиками Франком и Борном, в настоящее время изгнанными из Германии <...>»²⁹. Это заявление было принято во внимание только в 1954 г. в процессе реабилитации ученого.

«Дело физиков» (апрель 1938 – май 1940 г.) не получило своего развития, однако гипотеза, что такого рода судебный процесс планировался, но не состоялся «за нецелесообразностью», представляется вполне допустимой. Замысел процесса вписывается в общую атмосферу репрессий 1930-х гг. Очевидно, что физическое сообщество оставалось сферой, вызывавшей озабоченность власть предержащих в 1930-е гг., поскольку оно демонстрировало свою сплоченность, как в случае с мартовской сессией Академии наук 1936 г., и независимость, как в случае с П. Л. Капицей, С. И. Вавиловым, В. А. Фоком и др. Можно предположить, что власти стремились разрушить эту относительную автономию уже проверенными средствами. Исследование, проведенное на основе материалов следственного дела Ю. Б. Румера, позволило некоторым образом дополнить картину работы репрессивного механизма, сложившегося в СССР в годы сталинизма. Выводы не бесспорны и не могут считаться окончательными: следственное дело не доступно полностью. Закономерно и сомнение в том, что оно станет таковым в ближайшее время. Есть и нечто совсем новое, что удалось выявить при изучении следственного дела Ю. Б. Румера и воспоминаний его сына М. Ю. Михайлова – это данные о морально-психологическом состоянии бывшего узника ГУЛАГа, его попытке преодолеть свое униженное положение путем мифологизации персональной истории. Такие случаи не единичны, как

²⁹ Рукописный документ на листе в клетку, с двух сторон. Составлен Ю. Б. Румером. Вверху, в центре страницы, квадратный штамп отделения 1-го Спецотдела НКВД СССР, вх. № 26/20 1939 г. Подчеркивания выполнены графически (в оригинале красным карандашом). Подлинник. Документ вместе с конвертом и фотографией из дела передан на личное хранение М. Ю. Михайлову из Центрального архива ФСБ РФ.

мы видели на примерах Ю. Б. Румера и Л. Д. Ландау, и могли бы составить новую страницу социальной истории науки.

Список литературы и источников

Александров А. Д. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // *Вопр. истории, естествознания и техники.* 1996. № 3. С. 3–24.

Блохинцев Д. И., Леонтович М. А., Румер Ю. Б. и др. О статье Н. П. Кастерина «Обобщение основных уравнений аэродинамики и электродинамики» // *Изв. АН СССР: Серия физическая.* 1937. № 3. С. 425–436.

Горелик Г. Е. Москва, физика, 1937 год (собрание в ФИАНе в апреле 1937) // *Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР.* М., 1995. С. 54–75.

Горелик Г. Е. Советская жизнь Льва Ландау. М.: Вагриус, 2008. 463 с.

Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. М.: Наука, 1981. 495 с.

Кемоклидзе М. П. Квантовый возраст. М.: Наука, 1989. 272 с.

Крайнева И. А. Электронные архивы по истории науки // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та.*

Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 1: История. С. 76–83.

Колчинский Э. И. Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // *Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки.* СПб., 2003. С. 728–782.

Курилов И., Михайлов Н. Тайны специального хранения: о чем рассказали секретные архивы 1930-50-х гг. М.: ДЭМ, 1992. 262 с.

Месяц Г. А. Физический институт им. П. Н. Лебедева РАН: прошлое, настоящее, будущее // *Успехи физ. наук.* 2009. Т. 179, № 11. С. 1146–1160.

Огурцов А. П. Наука и власть // *Тез. II Конф. по социальной истории советской науки. Препринт Ин-та истории естествознания и техники АН СССР.* М., 1990. № 35. С. 39–40.

Румер Ю. Б. Теория относительности // *Изв. ЦИК.* 1935. № 247. С. 2.

Шпольский Э. В. Физика в СССР (1917–1937) // *Успехи физ. наук.* 1937. Т. 18, вып. 3. С. 295–322.

Материал поступил в редколлегию 18.09.2013

I. A. Kravneva

YU. B. RUMER AND «THE CASE OF THE PHYSICISTS» (1938, APRIL – 1940, MAY)

Based on the documents of the Criminal Archive File R-23711 of theoretical physicist, Doctor of Physics and Mathematics Yuri B. Rumer (1901–1985), the article opens a new page in the history of Great Terror, the period of mass repressions that took place in the USSR on the eve of the Second World War. The topicality of the study conducted with specific reference to the life story of the scientist, who fell victim to the Soviet repressive machine, is attributed to the incomplete investigations in this area. Despite restricted access to the source – the file has been declassified only in part – the author produces a reasonable historical hypothesis that the NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs) was planning a landmark case over the Soviet and foreign physicists, who were accused of spying for the benefit of fascist Germany and preparation of an international plot designed to undermine and destroy Soviet physics – the so-called «Physicists' Case». The chronological frames of the Physicists' Case, April 1938 to May 1940, are supported by documentary record. The materials accessible to us not only provide a fuller picture of the repressive policy of the Soviet state as a whole but give more evidence on the prosecution of scientists. At the personal level of the study, the author has explained the phenomenon of myth-making found in the life story, which manifested itself in the criminal case invented by the NKVD. The chronological frames of the article cover the period from the early 1930s to May 1940.

Keywords: Great Terror, investigatory records, Yuri B. Rumer, physics, mythmaking, 1930s.